

половой активности медикаментозным методом, а также иные действия насильственного характера.

6e1 – исполнитель осуществил насильственную передачу одного или нескольких человек (насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую).

Отметим, что ребенком согласно Статуту считается лицо младше 18 лет. При этом важно субъективное восприятие субъекта: он знал или должен был знать, что это лицо было младше 18 лет. Под термином «насильственный» понимаем, не только «посредством применения физической силы», но и также путем так называемой «психологической давки» (угрозы, запугивание), кроме того, может быть принят нормативный акт на государственном уровне. Следует отметить, что МТБЮ и МТР не знают случаев осуждения за геноцид, совершенный таким способом.

На основании всего вышеизложенного делаем вывод, что геноциду как международному преступлению свойственно множество специфических черт, особенностей, многие из которых нуждаются в доскональной научной проработке.

Олифиренко А. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Олифиренко Артем Алексеевич, студент 2 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, artol2002@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Тушиков Н. В.

Созданный в 1992 г. Европейский союз имел систему «трех опор»: каждое из трех Европейских Сообществ обладало правосубъектностью (ст. 281 Договора о ЕС, ст. 6 Договора ЕОУС и ст. 184 Договора о ЕЭС – до единого ЕС). Это подразумевает, что каждое Сообщество, как юридическое лицо, может заключать соглашения со странами, не являющимися членами, и международными организациями, нести ответственность в соответствии с международным правом и предпринимать действия в случае нарушения их прав. Однако ни Договор о ЕС, ни полномочия и средства, предоставленные Союзу договаривающимися сторонами, учредительный договор не наделяют Европейский союз правосубъектностью. С юридической точки зрения, ЕС является международной межправительственной организацией особого характера, которая в процессе эволюции приобретает характеристики международной организации общего характера (с конституционно-правовыми особенностями, заключенными в первоисточниках евроинтеграции – Маастрихтский, Амстердамский, Ниццкий договоры), о чем свидетельствует включение в документы ЕС положений об общей внешней политике,

экономическом сотрудничестве стран-членов и политике безопасности. Еще в 1990-х обсуждались вопросы о суверенитете самого Союза, однако об этом можно говорить лишь с той стороны, что государства-члены добровольно передали определенные государственные полномочия и суверенные права ЕС, ограничив некоторые части своего суверенитета.

В ЕС обсуждались обязанности и использование полномочий правосубъектности: какие вопросы входят в компетенцию государств-членов и какие вопросы входят в компетенцию Союза в целом. Они легли в основу Межправительственной конференции 1997 г. по Амстердамскому договору), которая включила в повестку дня вопрос о правосубъектности ЕС, а Организация Объединенных Наций (ООН) и Всемирная торговая организация (ВТО) призвали избежать путаницы, создав юридическое лицо, аналогичное одному заявлению. Но это предложение было скорее возможной передачей суверенитета в рамках внешней политики и политики безопасности Or-tak (ODGP) и не было включено в учредительные договоры.

Однако практическая реализация правосубъектности ЕС вызывала сомнения. Тогда было неясно, в какой степени государства-члены позволят ЕС действовать автономно в рамках системы международного права. На фоне возросшей роли национального суверенитета в ЕС можно предположить, что создание правосубъектности Союза будет возможно только в рамках полномочий, определенных государствами-членами. До Лиссабонского договора это была достаточно актуальная проблема.

Сам Лиссабонский договор, принятый 13 декабря 2007 г., изменил функционирование Союза посредством ряда поправок к Римскому и Маастрихтскому договорам с целью реформирования системы управления ЕС и создания единого Европейского сообщества – Европейского союза.

В ст. 47 Договора Европейского союза в редакции Лиссабонского договора также сообщается, что «Союз должен обладать правосубъектностью», но присутствуют и оговорки. Осуществление общей внешней политики и политики в области безопасности должно предусматривать применение процедур и предел полномочий учреждений, установленных в Договорах, для осуществления положений ст. 3–6 Договора о функционировании ЕС, власти Союза не должны быть затронуты. Аналогичным образом осуществление политики, упомянутой в этих статьях, не должно наносить ущерба применению процедур и объему полномочий учреждений, созданных Договорами для осуществления полномочий Союза. Государства-члены имеют право заключать любой международный договор при условии, что он не противоречит соглашениям, подписанным ЕС, или не входит в компетенцию Союза.

Подводя итоги, необходимо сказать, что Лиссабонский договор наделил ЕС международной правосубъектностью. За последние годы скептицизм по отношению к международной правосубъектности ЕС, вероятнее всего, все в большей степени становится немодным и государства-члены все более

склоняются к признанию за Союзом компетенции на самостоятельные внешнеполитические действия, государства-члены утратили правосубъектность по ряду вопросов (тарифные и торговые соглашения в сфере общей торговой политики – Договор о функционировании ЕС), ЕС уже имеет представительства в других странах, и его международная правосубъектность с годами только усилится. В сентябре 2021 г. председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен объявила о грядущей встрече на высшем уровне по поводу создания общеевропейского оборонительного союза с регулярными боевыми подразделениями.

Пархоменко А. А.

МОЖЕТ ЛИ СОГЛАШЕНИЕ ПО ТОРГОВЫМ АСПЕКТАМ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВТО ОБЕСПЕЧИТЬ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Пархоменко Анастасия Александровна, студентка 2 курса магистратуры
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия, aaparhomenko@hse.ru*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Боклан Д. С.

Несмотря на быстрые темпы разработки вакцин против COVID-19, по информации Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) большая часть произведенных доз была использована развитыми странами. В то же время социально незащищенные группы населения в развивающихся и менее развитых странах все еще ожидают возможности получить дозу вакцины. Понимание того, что обеспечение равного доступа к вакцинации сопряжено с использованием прав интеллектуальной собственности на зарегистрированные препараты, привело государства за стол переговоров в рамках Совета по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности Всемирной торговой организации (далее – ВТО). В процессе обсуждения позиции государств разделились. Первая группа членов во главе с Европейским союзом предлагает воспользоваться механизмом принудительного лицензирования, содержащимся в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности ВТО (далее – ТРИПС). Вторая группа, включающая в себя развивающиеся страны, наиболее нуждающиеся в вакцинации, предлагает временное освобождение членов ВТО от обязательств ТРИПС по защите авторских и смежных прав, промышленных образцов, патентов и закрытой информации.

Проанализировав предлагаемые механизмы на предмет их способности ответить на вызовы, продиктованные пандемией, и критически оценив предлагаемое освобождение членов ВТО от их международно-правовых обязательств в рамках ТРИПС, автор приходит к выводу, что оба предложения неспособны обеспечить быстрое и эффективное решение проблемы доступа к